

А. П. ОКЛАДНИКОВ

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙШИХ КУЛЬТУР МОНГОЛИИ

(по работам 1960 г.)

Обширная территория Монгольской Народной Республики издавна привлекала внимание исследователей, интересовавшихся древнейшей историей человечества. Именно здесь, в глубине Центральной Азии, по мнению многих выдающихся ученых, в том числе П. П. Сушкина, должен был протекать процесс выделения предков человека из мира животных; здесь же, следовательно, нужно было искать останки наших древнейших предков и вещественные следы их деятельности в виде первых орудий труда.

Очень интересны для освещения древнейших этапов истории Азии памятники каменного века и связанные с ними проблемы. Однако в этой области изучения Монголии имелись наиболее досадные пробелы. Это, в первую очередь, относится к древнейшему этапу каменного века — палеолиту.

Как известно, до сих пор на территории МНР были обнаружены лишь отдельные изолированные находки каменных орудий палеолитического типа. Даже там, где проводились наиболее широко поставленные сборы древних каменных изделий, не было уверенности, что та или иная часть их относится к каменному веку или к его определенному этапу. Так, например, в капитальной монографии И. Марингера «Доистория Монголии», где опубликованы обширные коллекции, собранные между Синьцзяном и Калганом, среди нескольких десятков тысяч каменных изделий не оказалось ни одного предмета, который можно бы уверенно отнести к палеолиту¹.

Сам Марингер оставляет вопрос о палеолите в своих заключительных выводах открытым. Точно так же доподлинно неизвестно, есть ли настоящие палеолитические орудия в огромной коллекции каменных орудий, собранных американской экспедицией под руководством Р. Ч. Эндрюса.

Первые бесспорно палеолитические находки были обнаружены в 1948 г. специальным палеолитическим отрядом Советско-Монгольской историко-этнографической экспедиции АН СССР и Комитетом наук МНР (под общим руководством С. В. Киселева).

Многочисленные палеолитические местонахождения встречены были мною уже в ближайших окрестностях Улан-Батора — у горы Зайсан-Тологой, около бензоколонки и в других местах. Отдельные находки отмечены были затем в Люн-Сомоне. Самые же богатые остатки деятельности палеолитических людей оказались на левом берегу р. Орхона против развалин Каракорума и знаменитого древнего монастыря Эрдени-Дзу, в так называемой Черемуховой пади (Мольтн-ам). Здесь мне посчастливилось обнаружить богатейшее палеолитическое местонахождение, на котором сразу же были собраны десятки обработанных человеком камней: нуклеусов, чопперовидных изделий, скребел, отщепов и пластин. Однако эти материалы не были опубликованы. Не удалось также произвести раскопки палеолитического поселения у монастыря Эрдени-Дзу) в 1949 г.

Между тем отсутствие точно документированных научных данных о каменном веке Монголии с большой остротой сказывается на решении принципиальных больших вопросов истории не только МНР, но и соседних с ней областей Азиатского материка. Так, нельзя понять происхождение палеолитических культур Северной Азии, т. е. Сибири и Советского Дальнего Востока, не учитывая связей, которые, должны были осуществляться через территорию Монголии. С другой стороны, новейшие открытия в Северном Китае, в долине реки Фэнь, выдвинули на очередь вопрос о влиянии среднеазиатских культур древнекаменного века на древнейшие культуры Китая. Ключ к решению этого вопроса опять-таки лежит на территории Монгольской Народной Республики, в том числе в пустыне Гоби.

Отсюда ясно, что проблема палеолита Монголии является проблемой всемирно-исторического масштаба. Столь же ясно, что без освещения этой проблемы не может

¹ J. Maringer, Contribution to the Prehistory of Mongolia. Report from the scientific Expedition to the North-Western provinces of China under leadership of d-r S. Hedin, VII, «Archaeology», т. 7, Stockholm, 1950.

Рис. 1. Группа советских и монгольских археологов у входа в Гандан-хуре.
Слева направо: В. Е. Ларичев, Дорж, А. П. Окладников, Дорж-Сурэн,
В. В. Волков

быть надлежащим образом изложена начальная часть трехтомной истории МНР, подготовкой которой в данное время занят Институт истории Комитета наук МНР.

Именно этой задаче — поискам палеолитических памятников и детальному изучению палеолитических культур Монголии — были посвящены археологические исследования в 1960 г., организованные Комитетом наук Монгольской Народной Республики по инициативе проф. Ширендыба.

По тематике и научной направленности, а также в значительной мере и по маршруту эти исследования явились продолжением работ палеолитического отряда Советско-Монгольской историко-этнографической экспедиции 1949 г. В них участвовала группа советских и монгольских археологов: В. Е. Ларичев, художник Ю. С. Кузнецов, Сэр-Оджаб, Дорж-Сурэн, В. В. Волков, Дорж. Эпизодическое участие в разведочных поездках вблизи г. Улан-Батора принимал также известный монгольский археолог Х. Пэрлэ. Научное руководство работой экспедиции осуществлял А. П. Окладников. Работы были явчаты разведочными поездками в окрестностях Улан-Батора, в результате которых был открыт ряд новых интересных археологических памятников, в том числе не только палеолитических поселений, но и уникальных древнемонгольских наскальных надписей

Рис. 2. Парк в Далан-Дзадагаде (Гоби). Скульптуры, выполненные местным художником

Рис. 3. Скульптура мальчика на лошади. Улан-Батор

и рисунков, датируемых XIII—XIV вв. Рисунки эти изображают женщину-монголку в costume, соответствующем описаниям средневековых западноевропейских и китайских путешественников, и рядом с ней пятнистую лань и характерно шаманские по стилю антропоморфные фигуры онгонов.

Затем экспедиция выехала в район Эрдени-Дзу, где произвела первые в истории монгольской археологии систематические раскопки палеолитического поселения. После этого были обследованы район Далан-Дзадагада с его знаменитыми неолитическими поселениями — Банндзак или Шабарак-усу («Шавар-ус» — «колодец с глинистой водой») и местность Отцон-Маньт, где было обнаружено целое гнездо древнепалеолитических, леваллуа-мустьерских и частично более поздних находок. Оттуда экспедиция, осмотрев попутно наскальные рисунки в ряде местностей, вернулась в Улан-Батор и продолжила ознакомление с поселениями каменного века, а также писаницами вблизи города. Была совершена также поездка к известным местонахождениям наскальных рисунков и херексуров в местностях Их-Алык и Дурбельджин на р. Толе, во время которой сделаны были кальки и фотографии с большого числа рисунков.

Среди вновь открытых нами в Монголии памятников каменного века следует прежде всего особо отметить находки каменных орудий на крайнем юге Монгольской Народной Республики, на территории Южнообийского аймака в местности Отцон-

Рис. 4. Гранитные останцы у заставы Отцон-Маньт

Маньт. Здесь, в непосредственном соседстве с пограничной заставой, которая носит то же название, были обнаружены древнейшие, известные сейчас для территории Монголии, каменные орудия, изготовленные первобытным человеком.

Застава Отцон-Маньт расположена в обширной долине, окаймленной с востока и запада цепями невысоких холмов, которые сложены в основном гранитами и кремнистыми сланцами (эффузивами).

По середине долины выступают гранитные останцы причудливых форм. Они тянутся целыми скоплениями один за другим, и около каждого такого скопления рассеяны обработанные человеком камни. Несмотря на ограниченность времени, которым мы располагаем, здесь было выявлено шесть отдельных пунктов концентрации каменных изделий.

Среди последних четко выявляется группа предметов, обнаруживающих черты наибольшей древности. Материалом для них послужила черная кремнистая порода. Поверхности изделий сильно выветрились, грани их стертые и окатаны песком. Однако формы этих изделий вполне определенные и типологически выразительные. Обращает внимание прежде всего наличие нуклеусов архаических форм, обычных для среднего палеолита Европы, Южной (Передней) Азии и Африки.

Таковы нуклеусы двух типов: а) дисковидные нуклеусы, б) нуклеусы, приближающиеся по характеру фасеток и форме к призматическим.

С этих последних нуклеусов хорошо рассчитанными меткими ударами снимались пластины совершенно определенного типа: удлинненно-треугольные, с правильными четкими гранями на спинке.

Именно эти пластины, в том числе широкие и длинные, с характерно скошенной по отношению к плоскости раскалывания площадью, в большом количестве обнаружены на всех шести пунктах вблизи заставы Отцон-Маньт. Отмеченные нуклеусы и пластины имеют черты, характерные для леваллуаской техники расщепления кремня, которая в Европе и Африке зарождается еще в ашельское время, а затем продолжает существовать и достигает расцвета в мустьерскую эпоху. Со временем эта техника даст начало еще более совершенной верхнепалеолитической технике расщепления камня.

Открытие такого рода изделий в глубине Центральной Азии очень важно уже по той причине, что оно документирует заселение пустынных ныне областей Азиатского материка в очень отдаленные времена человеческой истории — в среднем палеолите, т. е. около 40—50 тыс. лет назад, а может быть, и раньше. С этих находок можно теперь начать первую главу истории Монголии, историю заселения человеком Центральной Азии.

Второй важный вывод, связанный с находками у пограничной заставы Отцон-Маньт относится к общей характеристике культурно-исторического процесса на территории Центральной Азии в эти отдаленные времена. Появление техники леваллуаского типа свидетельствует о важных изменениях в эволюции производственной деятельности человека, об определенном прогрессивном скачке в этой области. Вместе с тем зарождение новых форм нуклеуса и пластины свидетельствует об одновременной прогрессивной эволюции как организма первобытного человека, так и его умственной деятельности, т. е. ума, сознания и психики наших отдаленных предков. Речь идет о переходе от палеоантропа неандертальской стадии к современному человеку.

Значение последнего факта с исторической точки зрения трудно переоценить. Он свидетельствует о том, что глубинная Азия вовсе не была страной вечного покоя и мертвой инерции, как писал, например, крупный исследователь палеолита Анри Брейль о Китае. Напротив, теперь есть основания утверждать, что в глубине Азии, в Гоби, имела место прогрессивная эволюция самого человека и его культуры и что здесь находился один из мировых по значению центров такого развития.

Возможно, далее, что влияние этого центра сказывалось далеко за пределами собственно Монголии. С этой стороны очень важно родство обнаруженной нами в Гоби древнейшей культуры каменного века с одновременными культурами Советской Средней Азии и Северного Китая.

За последнее десятилетие в Средней Азии, в бассейне р. Сыр-Дарьи (Кайрак-Кумы, пещера Ходжикент у г. Ташкента, устье Капчигай в Фергане) обнаружен ряд местонахождений мустьерско-леваллуаской культуры; найденные здесь изделия из камня аналогичны вновь обнаруженным предметам из Гоби. В то же время китайскими учеными выявлены в бассейне р. Фэнь около Динцзуня новые памятники нижнего и среднего палеолита, принципиально отличные от ранее исследованных местонахождений в Чжоукоудяне. Отличие заключается в том, что в Динцзуне представлены не чопперы, как в Чжоукоудяне, а орудия типа ашельских рубил и остроконечников, сближающиеся с западноевропейскими и вообще средиземноморскими формами².

Выражено «западный» облик, на этот раз мустьерский, имеют новые находки китайских археологов в Цзячене, в провинции Шаньси, между реками Сянхьэ и Ваяохэ, где в слое красноватой глины непосредственно под лесом, но выше слоя гравия и песка, найдены различные каменные изделия. Среди них имеются массивные скребла с выпук-

² В. Е. Ларичев, Ашельско-мустьерские памятники и остатки палеолитического человека в Китае (провинция Шаньси, долина р. Феньхэ), «Вопросы антропологии», вып. 1, 1960, стр. 111—115.

Рис. 5. Раскопки в Эрдени-Дзу (Каракорум)

лым рабочим краем, дисковидные нуклеусы классических форм, столь же типичные остроконечники треугольных очертаний, отщепы и пластины мустьерского облика³. При этом следует особо подчеркнуть, что именно инвентарь Цзячена встречает наиболее близкие аналогии в Средней Азии, где пока еще рубила ранних ашельских форм не обнаружены, но зато очень широко представлены изделия мустьерских и в том числе леваллуа-мустьерских форм.

Все эти факты имеют огромное значение для выяснения древнейшей истории населения Центральной Азии. Очевидно, как и следовало ожидать, уже в эти отдаленнейшие времена территория Монголии не разъединяла, а, наоборот, связывала различные группы палеолитического человечества. Через нее сквозь пустынные ныне области Гоби происходил в течение тысячелетий живой обмен этническими группами первобытного человечества, техническими приемами обработки камня и культурными традициями. «Восток» не был отделен незримой стеной от «Запада», а, наоборот, связан с ним разнообразными узлами контактов.

Не менее важные результаты для понимания характера палеолитической культуры Монголии и ее связей с культурами других стран получены нами в другом районе МНР, в долине р. Орхона, около Эрдени-Дзу у стен древней столицы монголов Хара-Хорина (Каракорума).

Уже первое разведочное обследование, осуществленное мною в 1949 г., показало, что палеолитическое поселение, расположенное по левому берегу р. Орхон, напротив развалин древнего Хара-Хорина и монастыря Эрдени-Дзу, замечательно прежде всего обилием материала. На нем рассеяно огромное количество обработанного древним человеком камня. Это объясняется тем, что здесь в течение многих веков добывалось, а также обрабатывалось каменное сырье для орудий труда, выделялись заготовки, особенно нуклеусы. Палеолитическое поселение на р. Орхоне являлось, таким образом, местом, где протекал важнейший для первобытного человека процесс, связанный с основой его жизни: производство орудий труда.

Не менее важно, что раскопки в Эрдени-Дзу не только позволяют раскрыть быт палеолитического человека, но и освещают последовательный ход развития его культуры. Как было установлено раскопками 1960 г., палеолитическое поселение на р. Орхоне имеет характер не однослойного, а многослойного памятника. Отличия в технике изготовления, типах и формах каменных изделий в различных слоях поселения (слоев имеется не менее трех) отражают важные перемены в культуре его древних обитателей.

Первые обитатели поселения, оставившие нам изделия третьего (нижнего) слоя, по общему облику их культуры стояли еще очень близко к людям среднего палеолита. У них господствовали древнейшие приемы обработки камня, мустьерско-леваллуаские в принципе. В слое найдены нуклеусы дисковидные и мустьерско-леваллуаские двухплощадочные и одноплощадочные. В нем также обнаружены скребла, остроконечники, широкие пластины правильных очертаний.

Важное место занимают вместе с тем в инвентаре нижнего слоя гальки, расколотые поперек одним сильным ударом. Иногда расколотый край таких галек бывает

³ Там же, стр. 114.

оформлен дополнительными сколами и превращен в массивное лезвие, как у «чопперов».

Имеются также и остроконечники мустьерского облика треугольных очертаний, с массивными лезвиями, оформленные крутой ступенчатой ретушью. Такие остроконечники близки некоторым остроконечникам из палеолитических поселений Сибири⁴.

В дальнейшем наблюдается существование одних и тех же в принципе приемов обработки камня и обнаруживаются виды изделий, сходные с найденными в нижней части культурной толщи. Но тем более отчетливо обнаруживается резкий сдвиг в культуре, совпадающий с отложением верхнего слоя поселения. Здесь, наряду с массивными изделиями из расколотых поперек галек — чопперами, остроконечниками мустьерского облика, появляются впервые нуклеусы настоящего призматического типа, т. е. такие, у которых отбивная площадь перпендикулярна плоскости скалывания. Распространяются скребочки мелкого размера и такие же небольшие ножевидные пластинки.

Особенно интересно появление оригинальных «нуклеусов-скребков» сибирского типа, один край которых образует острое ребро, обработанное двусторонней ретушью, а другой оформлен длинными продольными фасетками, получившимися в результате отщепления ножевидных пластин⁵. В более глубоких слоях поселения таких нуклеусов-скребков не было.

Культура людей, оставивших этот слой, является, очевидно, переходной от палеолита к неолиту, хотя нами не найдено здесь ни одного чисто неолитического предмета, например наконечников стрел или заготовок топоров. Ее можно назвать в полной мере эпипалеолитической или мезолитической, хотя этот «мезолит», как и сибирский, резко отличен от того мезолита, какой известен к западу от Урала, в Европе, а также в Средней Азии.

Существенное значение имеют в связи с этим условия залегания культурных остатков, т. е. стратиграфия древнего поселения. В то время как нижние горизонты находок связаны с типичным деловием в виде желтого сильно обогащенного известью суглинка или супеси, верхний горизонт представляет собой коричневато-бурый (каштановый) почвенный слой, резко отличный по своей темной окраске и структуре от залегающего глубже желтого делювиального слоя. Он, следовательно, целиком принадлежит уже не четвертичной, а современной, голоценовой, эпохе⁶.

Аналогичные памятники позднего палеолита, и притом весьма многочисленные, встречены были также в долине р. Толы, в частности у горы Зайсан-Тологой, против Улан-Батора, и в ряде мест ниже этой горы по левому берегу этой реки, вплоть до аэропорта.

Важнейшим памятником следующей неолитической эпохи является замечательное поселение или, вернее, целая серия поселений в районе Далан-Дзадагада, в местности Баиндзак (у колодца Шавар-ус), впервые открытых и обследованных участниками американской Центральноазиатской экспедиции под руководством Р. Ч. Эндрюса.

Поселение расположено в своеобразной естественно-географической обстановке. Оно связано с грядой древних красноцветных дюн на дне огромной котловины и занимает огромную площадь. Культурный слой выступает на поверхность в тех местах, где песок древних дюн развеян ветром. Повсюду на дне дюнных котловин выветривания обнаруживаются остатки очагов, сложенных из гладкоокатанных валунов и галек. На очагах и около них рассеяно множество каменных изделий, материалом для которых послужили разноцветные кремнистые породы, преимущественно яшма красного и шоколадного цвета, а также желтоватый, белый и полупрозрачный халцедон.

Техника обработки камня и форма каменных орудий свидетельствуют о вполне сложившихся традициях неолитической культуры. Люди Баиндзака в совершенстве владели всеми приемами обработки камня, характерными для неолитической эпохи. Они умели шлифовать камень, хотя и пользовались этим приемом очень редко, в совершенстве владели искусством скалывания ножевидных пластин с призматического нуклеуса; умели тонко ретушировать кремневые изделия, в том числе вкладные каменные лезвия для ножей, ножи и наконечники стрел. Основным охотничьим оружием у них были лук и стрелы.

О существовании определенных эстетических представлений можно судить по заготовкам для бус из обломков скорлупы яиц ископаемой птицы четвертичного периода — страуса, а также по обломкам скорлупы яиц страуса, иногда украшенным тончайшим гравированным узором геометрического характера.

Существенной чертой работ 1960 г. в Баиндзаке, в отличие от работ американских исследователей, явилось то обстоятельство, что мы собирали материал с развеянной ветрами площади по отдельным ее небольшим участкам. В результате удалось получить не просто коллекция каменных орудий неолитической эпохи, а зафиксировать нечто гораздо более важное: остатки конкретных поселений людей каменного века, следы деятельности конкретных родовых общин глубокой древности.

⁴ А. П. Окладников, Палеолит Забайкалья. Общий очерк, «Археологический сборник», 1, Улан-Удэ, 1959, стр. 14.

⁵ Там же, стр. 15.

⁶ Б. Б. Полюнов, Исследование почв. Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова, Л., 1925, стр. 47.

Рис. 6. Писаницы Ульдзит-сомона

Эта простая методика позволила сделать и другие не менее важные выводы общетеоретического характера. Удалось в общих чертах расчленить историю неолитических обитателей Гоби на два больших этапа.

К первому, наиболее раннему, историческому этапу относятся те поселения, жители которых имели каменные орудия и глиняные сосуды, очень близкие в основе к каменному инвентарю и керамике прибайкальских племен неолитической эпохи. Наличие таких хрупких предметов, как глиняные горшки, показывает, что в данном случае имели место не простые культурные связи, не только элементарный обмен вещами. Следует полагать, что около 4—5 тыс. лет назад на юг Монголии вплоть до южной Гоби проникли подвижные племена охотников и рыболовов северного происхождения. Эти племена, распространявшиеся из Забайкалья и Прибайкалья, несли с собой с Севера на Юг не только привычный производственный инвентарь — свои наконечники стрел, ножи, вкладные лезвия, но также и свои собственные, особые приемы изготовления глиняных горшков. Их горшки по форме и способу оформления поверхности были такими же, как неолитические сосуды на р. Ангаре, р. Лене и р. Селенге. Они имели полуяйцевидную форму, заостренное днище, а наружная поверхность их была покрыта текстильной оттисками, в том числе типично прибайкальскими оттисками сетки-плетенки, характерными для серовской стадии неолита Прибайкалья.

К более позднему времени относится вторая неолитическая культура, остатки которой залегают в толще древних дюнных отложений выше остатков первой культуры. Ее главное отличие от более древней заключается в том, что появляется керамика нового типа, взамен старой. Наружная поверхность сосудов теперь часто окрашивается красной краской. Иногда применялась и настоящая орнаментальная роспись, выполненная черной краской по красному фону. Для характеристики изменений в хозяйственной жизни этого времени решающее значение имеют каменные зернотерки и песты, употреблявшиеся для растирания зерен и производства муки. Этот новый период в истории древних племен Гоби отмечен, таким образом, зачатками первобытного земледелия и усилением культурных связей с неолитическими земледельцами соседней Маньчжурии.

К такому же выводу о смене двух культур, сначала с северными связями, а затем с южными, т. е. сначала с Сибирью, а потом с Китаем и Маньчжурией, пришел и И. Марингер⁷.

Новые наблюдения 1960 г. в Гоби подкрепляют и усиливают значение этого вывода, впервые сделанного мною в результате работ в Баянцзаке в 1949 г.

Наряду с поселениями каменного века, специальное внимание было уделено также и наскальным рисункам. Как уже отмечалось, были обследованы ранее известные первоклассные наскальные изображения в долине р. Толы в местности Их-Алык и Дурбельджин. Весьма ценные наскальные изображения оказались также в Средней и Южной Гоби. Большой научный интерес имеют вновь открытые мною наскальные изображения в местности Их-Тенгерин-Ам на левом берегу Толы вблизи Улан-Батора.

⁷ John Maringer, *Vorposten chinesischer Kolonisation in der Mongolei der Steinzeit*. Изучение Континентальной Азии. Сб., посвященный д-ру Деин. Отчеты Общества изучения Евразии. Специальный выпуск. Общество изучения Евразии. Токио, 1955, стр. 5—7.

Изучение наскальных рисунков позволяет распределить их по различным стилистическим и хронологическим группам. Наиболее ранние наскальные изображения отмечены в местности, где находился старый Ульдзит-сомон (Центральная Гоби). На отшлифованных песками и покрытых скальным загаром плоскостях сланца здесь выбиты десятки изображений животных и людей, многие из которых покрыты таким же густым «загаром», как и скалы, на которых они выполнены. Самые ранние, судя по наибольшей интенсивности «загара», изображения выбиты глубокими желобами и сразу же обращают внимание архаичностью своего облика. Лучшее из них представляет собою крупную фигуру дикой лошади, жеребца, с подчеркнuto утрированным признаком пола. Как и многие другие такие сюжеты в первобытном искусстве, это изображение, несомненно, отражает древнюю идею плодородия зверей — основного источника существования охотничьих племен далекого прошлого. Лошадь изображена с большой экспрессией и верностью природе. Дрезний художник с удивительной точностью передал в своем рисунке-горельефе характерные черты дикого монгольского коня, лошади Пржевальского с ее коротким грузным туловищем, массивной небольшой головой и короткими мохнатыми ногами. Весь этот комплекс изображений, от которого веет неукротимой охотничьей страстью, явно предшествует скотоводческой культуре эпохи металлов и целиком лежит в пределах каменного века, очевидно неолита.

К эпохе бронзы относятся наскальные рисунки, выполненные красной краской, на которых изображены «дворы», сплошь заполненные овальными пятнами внутри, хищные птицы, парящие с распластанными «луновидными» крыльями, а также стилизованные фигурки людей-духов и животных⁸. Такие писаницы имеются в пади Их-Тенгерин-Ам и в местности Хачурт на р. Толе. К бронзовому веку можно условно отнести также и некоторые выбитые в скалах у Хобдо-сомона рисунки, изображающие охотничьи и военные сцены, воинов в пышных головных уборах вроде шлемов и с оружием в руках, чаще всего с луком.

Блестящими образцами древнего орнаментального искусства являются, далее, многочисленные изображения, выбитые на глыбах гранита и сланца в Их-Альке и Дурбельджине⁹. Они передают обычно один и тот же традиционный устойчиво повторяющийся во множестве вариантов образ оленя с ветвистыми рогами¹⁰. Этот «скифо-сибирский» стиль создан был, как установил еще Г. И. Боровка, кочевыми племенами Центральной Азии в конце бронзового и в раннем железном веке. Возникнув, вероятно, где-то на рубеже II—I тыс. до н. э., он доживает в степях до конца хуннского времени и исчезает вместе с их степной державой, испытав ее трагическую судьбу.

Далее следуют изображения тюркской эпохи VI—VIII в. н. э. — тамгообразные знаки и фигуры козлов.

За ними следуют примитивные изображения животных, повторяющие писаницы Сибири и Восточной Европы, датируемые поздним тюркским временем X—XI вв. н. э.

Последним звеном в этой длинной цепи наскальных изображений оказались обнаруженные в 1960 г. в пади Их-Тенгерин-Ам уникальные рисунки, изображающие женщину в терлике и в гутулах, с боккой на голове, а также лань (может быть, мифическую прародительницу монголов Олун-Гоа, «прекрасную маралуху» эпических сказаний) и фигурки шаманских онгонов.

Таковы в общих чертах результаты исследований археологических памятников Монголии, осуществленных советскими и монгольскими археологами в 1960 г. Как видно из всего сказанного, они значительно расширяют и углубляют наши представления о начальных периодах истории Центральной Азии и ставят важные исторические проблемы.

⁸ А. П. Окладников, О датировке забайкальских писаниц, Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры, вып. XVI, Улан-Удэ, 1952.

⁹ Г. И. Боровка, Археологическое обследование среднего течения р. Толь, «Северная Монголия — II». Предварительные отчеты лингвистической и археологической экспедиции о работах, произведенных в 1925 г., Л., 1927, стр. 43—54, 79—84.

¹⁰ А. П. Окладников, Олений камень с р. Иволги, «Сов. археология», 1954, XIX, стр. 207—220.